

*
*
*
*
*
*
*
*
*
*

BIBLIOTHÈQUE

DU

PRINCE E. LWOFF.

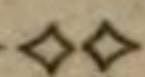
Ann. 18

Ray. 6

Nº 17

БИБЛІОТЕКА

ИМПЕРАТОРСКАГО университета
Св. Владимира.

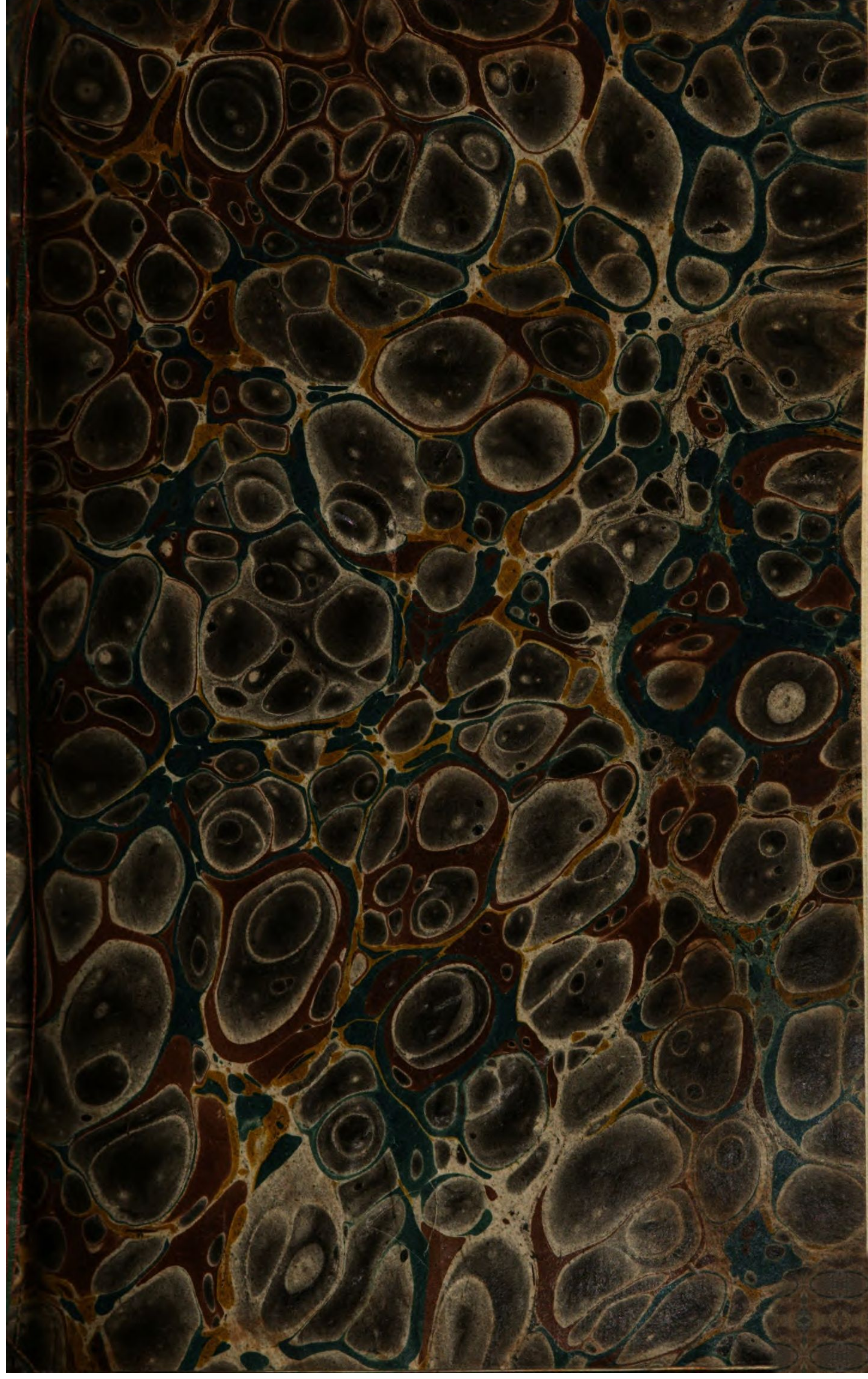
БИБЛІОТЕКА ГЕН.-АДЪЮТАНТА
Дмитрія Гавриловича

БИБИКОВА,

пожертвованная Университету
его дочерью,

ГРАФИНЕЮ КАССИНИ
ВЪ 1898 г.

№ 1481

P.O. rel. 3356 f2

СТЕКОЛОПЕВІС ПУНІВІ

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

II.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ПЕЧАТНІИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

78.183/98202

СТІХОТВОРЕНІЯ ПУШКІНА

II

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Вторая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

СТІХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Ізбрані твори

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Съ дозволенія Правительства.

1825.

1881

I.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Посвящено Н. Н. Р.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait. . . .

Межь тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,

Зовешь меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни спраданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,

Пѣвцу возвышенной мечты

Звучишь незнаемая лира.

Пою. Мнѣ внимлешь онъ и ты.

Подъялась вновь успалая съкира

И жертву новую зовешь.

Пѣвецъ гошовъ; задумчивая лира

Въ послѣдній разъ ему поешь !.

Заупра казнь, привычный пиръ народу;

Но лира юнаго пѣвца

О чемъ поешь? Поешь она свободу:

Не измѣнилась до конца !

“

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
 Я плахъ обречень. Послѣдніе часы
 Влачу. Заушра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подыметъ за власы

Надъ равнодушною толпою.

Просшите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
 Не будешь почивать въ саду, гдѣ провожали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ

Священно вамъ воспоминанье;

Исполните мое послѣднее желанье:

Оплачьте, милые, мой жребій въ пишинѣ;
 Спрашитесь возбудишь слезами подозрѣнье;
 Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы пресупленье:
 О братъ сожалѣшь не смѣешь нынѣ братъ.
 Еще жъ одна мольба: вы слушали спокрапъ
 Спихи, лепучихъ думъ небрежныхъ созданья,
 Разнообразныя, завѣшныя преданья
 Всей младости моей. Надежды, и мечшы,

И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою храняшь. У Авеля, у Фанни 2,
 Молю, найдише ихъ; невинной музы дани
 Сберише. Спрогій свѣтъ, надменная молва
 Не будушь вѣдашь ихъ. Увы, моя глава
 Безвременно падешъ: мой недозрѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
 Я скоро весь умру. Но, пѣнь мою любя,
 Хранише рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдетъ; шолцою суевѣрной
 Сбирайшесь иногда чипашъ мой свипокъ вѣрной,
 И, долго слушая, скажише: эшо онъ;
 Вошь рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
 Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упьюсь... и, можешъ бышь, ушѣшенъ буду я
 Любовью; можешъ бышь, и Узница моя 3,
 Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимая... »

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовію, шоской
 Промчалась передъ нимъ. Красавицъ помны очи,
 И пѣсни, и пиры, и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни шѣнь,
 Свободу, и друзей, и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою злашую младость;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.
 Когда жъ, Вакхической шревогой упомясь
 И новымъ пламенемъ незапно воспаясь,

Я упрямъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смященіи и гнѣвѣ;
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, ушраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Какъ сладко жизнь моя лилась и упекала!
Зачѣмъ опъ жизни сей, лѣнливой и простой,
Я кинулся шуда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ спрасхи дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Чпо дѣлашь было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, спихамъ и пишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
Мнѣ ль было управляшь спропшивыми конями
И крупно напрягать безсильныя бразды?
И что жъ оставляю я? Забышыя слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
Ты, слово, звукъ пуспой...

« О нѣшь!

Умолкни, ропотъ малодушной!

Гордись и радуйся, поэтъ:

Ты не поникъ главой послушной

Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;

Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;

Твой свѣшочъ, грозно пламенѣя,

Жестокимъ блескомъ озарилъ

Совѣшь правителей безславныхъ 4;

Твой бичъ наспигнуль ихъ, казнилъ

.

Твой сѣпихъ свиспалъ по ихъ главамъ;

Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;

Ты пѣлъ Марашовымъ жрецамъ

Кинжалъ и двѣ-эвмениду!

Когда свяшый сѣпикъ опъ плахи опрывалъ

Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:

Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,

И передъ вами препешалъ

Ареопагъ оспервенѣлой.

Гордись, гордись, пѣвецъ; а ты, свирѣпый звѣрь,

Моей главой играй шеперь:

Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!

Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный.

И часъ придетъ... и онъ ужъ недалёкъ:

Падешь, тиранъ! Негодованье

Воспрянешъ наконецъ. Опечеснѣва рыданье

Разбудишь ушомленный рокъ.

Теперь иду... пора... но ты спускай за мною;

Я жду тебя.»

Такъ пѣлъ воспорженный поэтъ.

И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ

Блѣднѣлъ предъ упренней зарёю,

И ушло вѣяло въ темницу. И поэтъ

Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры...

Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!

Звучатъ ключи, замки, запоры.

Зовушь... Поспой, поспой; день только, день одинъ:

И казней нѣшь, и всѣмъ свобода,

И живъ великій гражданинъ

Среди великаго народа 5.

Не слышаешь. Шествиѣ безмолвно. Ждешь палачъ.

Но дружба смертный путь поэта очаруешь 6.

Вошь плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуешь 7...

... Плачь, муза, плачь!...

II.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...

Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла

Рука предать огню всѣ радости мои!...

Но полно, часъ насталь: гори, письмо любви.

Готовъ я; ничему душа моя не внемлешь.

Ужъ пламя жадное листы твои приѣмлешь...

Минушу!... вспыхнули... пылаюшь... легкій дымъ

Віясъ перяется съ моленіемъ моимъ.

Ужъ перстни вѣрнаго упрямъ впечатлѣнье;

Расшопленный сургучъ кипишь... О провидѣнье!

Свершилось! Темные свернулись листы;

На легкомъ пеплѣ ихъ завѣщныя черпы

Бѣлюшь... Грудь моя спѣснилась. Пепель милой,

Ошрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,

Ошанься вѣкъ со мной на горестной груди....

III.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ побой колѣнопреклоненный,
 Я на себя глядѣль и думаль: ты моя;
 Ты знаешь, милая, желаль ли славы я;
 Ты знаешь: удалень опъ въпреннаго свѣща,
 Скучая суешнымъ прозваніемъ поэта,
 Успавъ опъ долгихъ бурь, я вовсе не внималь
 Жужжанью дальному упрековъ и похваль.
 Могли ль меня молвы превожить приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ томипельные взоры
 И руку на главу мнѣ пихо наложивъ,
 Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?

Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я спѣсненное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Сплю,
 Какъ пушникъ, молніей постигнутый въ пущынь,
 И все передо мной зашмилося! И нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
 Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чтобъ шымною
 Окружена была, чтобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ себя звучало обо мнѣ,
 Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ шипинѣ,
 Ты помнила мои послѣднія моленья
 Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.

IV.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Чѣмъ смолкнуль веселія гласъ?
 Раздайпесь, Вакхальны припѣвы!
 Да здравствуюшъ нѣжныя дѣвы
 И юныя жены, любившія насъ!
 Полнѣ спаканъ наливайше!
 На звонкое дно
 Въ густое вино
 Завѣшныя кольца бросайше!

**

Подыmemъ спаканы, содвинемъ ихъ разомъ!

Да здравствуюшь музы, да здравствуетъ разумъ!

Ты, солнце святое, гори!

Какъ эша лампада блѣднѣешь

Предъ яснымъ восходомъ зари,

Такъ ложная мудрость мерцаешь и плѣешь

Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.

Да здравствуетъ солнце, да скроешься тма!

V.

О Ф А Э

Если жизнь тебя обманешь;

Не печалься, не сердись!

Въ день унынія смирись:

День веселья, вѣрь, настанешь.

Въ день унынія смирись:

Сердце въ будущемъ живешь;

Настоящее уныло:

Все мгновенно, все пройдетъ;

Что пройдетъ, то будетъ мило.

VI.

С А Ф О.

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

VII.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ, когда передъ побой
 Во мглахъ сокрылся міръ земной,
 Мгновенно твоей проснулся геній,
 На все минувшее воззрѣлъ,
 И въ хоръ свѣшлыхъ привидѣній
 Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
 Въ слезахъ воспорга внемлю имъ:
 Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
 Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ :

Ты въ немъ и видишь, и лещаешь,

И вновь живешь, и обнимаешь

Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой

Тебѣ мгновенье далъ ошрады,

Я не хочу другой награды :

Недаромъ темною спезей

Я проходилъ пустыню міра,

О нѣшь, недаромъ жизнь и лира

Мнѣ были ввѣрены судьбой!

VIII.

КЪ * * *

Я помню чудное мгновенье:
 Передо мной явилась ты,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
 Въ тревогахъ шумной суеты,
 Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной
 И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
 Разсѣялъ прежнія мечты,
 И я забылъ твой голосъ нѣжный,
 Твои небесныя черты.

* * *

Въ глуши, во мракѣ зашоченья
 Тянулись тихо дни мои
 Безъ божества, безъ вдохновенья,
 Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье;
 И вновь опять явилась ты,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 Какъ гений чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ ,
 И для него воскресли вновь
 И божество , и вдохновенье ,
 И жизнь , и слезы , и любовь .

IX.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?
Давай мнѣ мысль какую хочешь:
Ее съ конца я завоспряю,
Лешучей рифмой оперю,
Вложу на шепиву шугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А шамъ пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

X.

Д В И Ж Е Н І Е.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадашый.
Другой смолчалъ и спалъ предъ нимъ ходишь.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразишь;
Хвалили всѣ ошвѣтъ замысловашый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводишь:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходишь,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

XI.

Д Р У Ж Б А.

Что дружба? Легкій пыль похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнь щеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

XII.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракъ ночи праздною,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчишь, и свищешь, и гремишь;
Но безполковая кукушка,
Самолюбивая болшушка,
Одно куку свое твердишь,
И эхо вслѣдъ за нею по же.
Накуковали намъ шоску!
Хоть убѣжаешь. Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

XIII.

С О В Ъ Т Ъ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не спрашь учпивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
Сердишься грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

XIV.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной

Она помилась, увядала...

Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной

Младая шѣнь уже лeshала;

Но недоступная черта межъ нами есть.

Напрасно чувство возбуждалъ я:

Изъ равнодушныхъ устъ я слышала смерти вѣсть,

И равнодушно ей внималъ я.

Такъ вошь кого любилъ я пламенной душой

Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,

Съ такою нѣжною, пошлельной поскою,

Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!

Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей

Для бѣдной, легковѣрной шѣни,

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней

Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

XV.

19 ОКТЯБРЯ.

Роняешь лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребришь морозъ увянувшее поле,
Проглянешь день какъ будшо по неволѣ,
И скроешься за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминь, въ моей пуспынной кельѣ;
А шы, вино, осенней спужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь опрадное похмѣлье,
Минушное забвенье горькихъ мукъ.

Печалень я: со мною друга нѣтъ,
 Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
 Кому бы могъ пожать опъ сердца руку
 И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
 Я пью одинъ; вошще воображенье
 Вокругъ меня товарищей зовешъ;
 Знакомое не слышно приближенье,
 И милаго душа моя не ждешъ.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
 Меня друзья сегодня именуютъ....
 Но многіе ль и шамъ изъ васъ пируютъ?
 Еще кого не дощипались вы?
 Кто измѣнилъ плѣнишелоной привычкѣ?
 Кого опъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
 Чей гласъ умолкъ на брашской перекличкѣ?
 Кто не пришель? Кого межъ вами нѣтъ?

Онъ не пришелъ кудрявый нашъ пѣвецъ,
 Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
 Подъ миршами Италіи прекрасной
 Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
 Не начерпалъ надъ Рускою могилой
 Словъ нѣсколько на языкъ родномъ,
 Чпобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
 Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
 Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
 Иль снова ты проходишь пропикъ знойный
 И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
 Счастливыи путь!... Съ Лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнулъ шуя,
 И съ той поры въ моряхъ швоя дорога,
 О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
 Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
 Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
 Ты проспираль изъ-за моря намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
 И повсорялъ: на долгую разлуку
 Насъ пайный рокъ, бытъ можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
 Сроссался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
 Куда бы насъ ни бросила судьбина,
 И счастіе куда бъ ни повело,
 Все шѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
 Опечесство намъ Царское-село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
 Запушанный въ сѣпяхъ судьбы суровой,
 Я съ шепетомъ на лоно дружбы новой,
 Уставъ, приникъ ласкающей главой...
 Съ мольбой моею печальной и мятежной,
 Съ доверчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Другамъ инымъ душой предался нѣжной;
 Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
 Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
 Мнѣ сладкая готовилась опрада:
 Трoихъ изъ васъ, друзей моей души,
 Здѣсь обнялъ я. Поэша домъ опальный,
 О * * * мой, ты первый посѣпилъ;
 Ты усладилъ изгнанья день печальный,
 Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты, * * *, счастливецъ съ первыхъ дней,
 Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
 Не измѣнилъ души твоей свободной:
 Все шопъ же ты для чести и друзей.
 Намъ разный путь судьбой назначенъ спрогой;
 Спупая въ жизнь, мы быспро разошлись:
 Но невзначай проселочной дорогой
 Мы встрѣпились и брашски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ;
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
 Подъ бурею главою поникъ я шомной,
 И ждалъ себя, въщунъ Пермескихъ дѣвъ,
 И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
 О * * * мой: твой голосъ пробудилъ
 Сердечный жаръ такъ долго усыпленный,
 И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенческа духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
 И дивное волненье мы познали;
 Съ младенческа двѣ музы къ намъ лезали,
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
 Но я любилъ уже рукоплесканья,
 Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
 Свой даръ какъ жизнь я спрашивалъ безъ вниманья,
 Ты геній свой воспитывалъ въ пиши.

Служенье музъ не терпимъ суеши;
 Прекрасное должно быть величаво:
 Но юность намъ совѣщуетъ лукаво,
 И шумныя насъ радуютъ мечты...
 Опомнимся — но поздно! и уныло
 Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя шамъ. * * *
 Скажи, * * *, не по ль и съ нами было,
 Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
 Не споймъ міръ; оставимъ заблужденья!
 Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
 Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
 Приди; огнемъ волшебнаго разсказа
 Сердечныя преданья оживи;
 Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
 О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
 Предчувствую оспрадное свиданье;
 Запомните жъ поэта предсказанье:
 Промчится годъ, и съ вами снова я,
 Исполнится завѣщъ моихъ мечтаній;
 Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
 О сколько слезъ и сколько восклицаній,
 И сколько чашъ подьяпыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
 И всю до дна въ честь нашего союза!
 Благослови, ликующая муза,
 Благослови: да здравствуетъ Лицей!
 Наспавникамъ, хранившимъ юность нашу,
 Всѣмъ честію, и мерсвнымъ и живымъ,
 Къ ушамъ подъявъ признашельную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы шупъ!
 Увы, нашъ кругъ часъ ошъ часу рѣдѣетъ;
 Кшо въ гробѣ спитъ, кшо дальный сиротѣетъ;
 Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
 Невидимо склоняясь и хладѣя,
 Мы близимся къ началу своему...
 Кому жъ изъ насъ подѣ спаростъ день Лицея
 Торжесшвовашъ придется одному?

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Доучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнишь насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...

Пускай же онъ съ опрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведётъ,
Какъ нынѣ я, зашворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

XVI.

ЖЕНИХЪ.

Три дня купеческая дочь

Нашаша пропадала;

Она на дворъ на прешью ночь

Безъ памяши вбѣжала.

Съ вопросами ошець и машь

Къ Нашашѣ сшали пристунашь.

Нашаша ихъ не слышишь,

Дрожишь и еле дышишь.

Тужила мать, пужиль отецъ,
 И долго приступали,
 И ошсупились наконецъ,
 А пайны не узнали.
 Натпаша спала, какъ была,
 Опять румяна, весела,
 Опять пошла съ сестрами
 Сидѣшь за ворошами.

Разъ у песовыхъ у ворошъ,
 Съ подружками своими,
 Сидѣла дѣвица — и вошъ
 Промчалась передъ ними
 Лихая пройка съ молодцомъ.
 Конями, крыпыми ковромъ,
 Въ саняхъ онъ споя правишъ
 И гонишъ всѣхъ и давишъ.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,

Нашаша поглядѣла,

Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,

Нашаша померпвѣла.

Спрямглавъ домой она бѣжитъ.

Онъ! онъ! узнала! говоришь,

Онъ, точно онъ! держише,

Друзья мои, спасише!

Печально слушаетъ семья,

Качая головою;

Опець ей: «милая моя,

Откройся предо мною.

Обидѣлъ кто тебя, скажи,

Хоть только слѣдъ намъ укажи.»

Нашаша плачетъ снова.

И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ

Нежданая приходишь.

Нашашу хвалишь, разговоръ

Съ опцомъ ея заводишь:

« У васъ шоваръ, у насъ купецъ;

Собою парень молодець,

И спашной, и проворной,

Не вздорной, не зазорной.

« Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ

Не кланяешся въ поясъ,

А какъ бояринъ между шѣмъ

Живешь, не безпокоюсь;

А подаришь невѣстѣ вдругъ

И лисью шубу, и жемчугъ,

И перспни золошые,

И плашья парчевыя.

« Кашаясь, видѣлъ онъ вчера
 Ее за ворошами;
 Не по рукамъ ли, да съ двора,
 Да въ церковь съ образами? »
 Она сидишь за пирогомъ,
 Да рѣчь ведешь обинякомъ,
 А бѣдная невѣста
 Себѣ не видишь мѣста.

« Согласень, говоришь отецъ;
 Спупай благополучно,
 Моя Напаша, подь вѣнецъ:
 Одной въ свѣшелкѣ скучно.
 Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
 Не все косашкѣ распѣвать,
 Пора гнѣздо устройшь,
 Чшобъ дѣпушекъ покоишь. »

Наша кь спѣнкѣ уперлась

И слово молвить хочеть —

Вдругъ зарыдала, запряслась,

И плачетъ и хохочеть.

Въ смященьи сваха кь ней бѣжитъ,

Водой спуденою поитъ

И льетъ оспашокъ чаши

На голову Наши.

Крушишься, охаешь семья.

Опомнилась Наша,

И говоришь: «послушна я,

Свяшая воля ваша.

Зовише жениха на пиръ,

Пекише хлѣбы на весь мѣръ,

На славу медъ варише,

Да судъ на пиръ зовише.»

« Изволь, Нашаша, ангель мой!

Гошовъ шебѣ въ забаву

Я жизнь отдашь! » — И пирь горой;

Пекушь, варяшь на славу.

Вошь госпи чеспные нашли,

За столь невѣсту повели;

Поюшь подружки, плачущь,

А вошь и сани скачущь.

Вошь и женихъ — и всѣ за столь.

Звеняшь, гремяшь спаканы,

Заздравный ковшъ кругомъ пошоль;

Все шумно, госпи пьяны.

Женихъ. «А чпо же, милые друзья,

Невѣста красная моя

Не пьешь, не ѣшь, не служишь:

О чемъ невѣста шужишь?»

Невѣсша жениху въ отвѣтъ :

« Откроюсь на удачу.

Душѣ моей покоя нѣтъ ,

И день и ночь я плачу.

Недобрый сонъ меня крушитъ. »

Отецъ ей : « что жъ твой сонъ гласитъ ?

Скажи намъ , что такое ,

Дитя мое родное ? »

« Мнѣ снилось , говоришь она ,

Зашла я въ лѣсъ дремучій ,

И было поздно ; чуть луна

Свѣшила изъ-за тучи ;

Съ тропинки сбилась я : въ глуши

Не слышно было ни души ,

И сосны лишь да ели

Вершинами шумѣли.

« И вдругъ, какъ будто наяву,
 Изба передо мною.
 Я къ ней спучу — молчашь. Зову —
 Отвѣща нѣтъ; съ мольбою
 Дверь отворила я. Вхожу —
 Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —
 Вездѣ серебро, да злато,
 Все свѣпло и богато. »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, швой сонъ? »

Знашь жить тебѣ богато. »

Невѣста. « Поспой, сударь, не кончень онъ. »

На серебро, на злато,

На сукна, коврики, парчу,

На Новгородскую камчу

Я молча любовалась,

И диву дивовалась.

« Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...

Подъѣхали къ крылечку.

Я поскорѣе дверью хлопъ,

И спряталась за печку.

Вопъ слышу много голосовъ....

Взошли двѣнадцать молодцовъ,

И съ ними голубица

Красавица-дѣвица.

« Взошли толпой, не поклонясь,

Иконъ не замѣчая;

За споль сядяся, не молясь

И шапокъ не снимая.

На первомъ мѣстѣ братъ большой,

По праву руку братъ меньшей,

По лѣву голубица

Красавица-дѣвица.

« Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье... »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, швой сонъ? »

Въщаетъ онъ веселье. »

Невѣста. « Постой, сударь, не конченъ онъ. »

Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ,

Пиръ весело бушуетъ,

Лишь дѣвица горюетъ. »

« Сидишь, молчишь, ни ѣсть, ни пьешь,

И покомъ слезы почишь,

А старшій братъ свой ножъ беретъ,

Присвистывая почишь;

Глядишь на дѣвицу-красу,

И вдругъ хватаешь за косу,

Злодѣй дѣвицу губишь,

Ей праву руку рубишь. »

Ну, эшо, говоришь женихъ,

Прямая небылица!

Но не тужи, швой сонъ не лихъ,

Повѣрь, душа-дѣвица.

Она глядишь ему въ лицо.

« А эшо съ чьей руки кольцо? »

Вдругъ молвила невѣста,

И всѣ привспали съ мѣста.

Кольцо капится и звенишь,

Женихъ дрожишь блѣднѣя;

Смушились гости — Судъ гласишь:

Держи, вязаешь злодѣя!

Злодѣй окованъ, обличенъ,

И скоро смертію казненъ.

Прославилась Нашаша!

И вся шущъ пѣсня наша.

XVII.

Въ крови горишь огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: швои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почию безмятежной,
Пока дохнешь веселый день
И двигнешся ночная тѣнь.

XVIII.

Верпоградъ моей сестры
Верпоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.
У меня плоды блестящъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумящъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣшь аквилонъ,
И закаплюшь ароматы.

XIX.

П. А. О * * *.

Быть можешь, ужь недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оспаваться,
Вдыхашь о милой сшаринѣ,
И сельской музѣ въ шишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но и въ дали, въ краю чужомъ
Я буду мыслию всегдашней
Бродишь Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣною липъ домашней.

Когда померкнеть ясный день,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Лепишь поскующая шѣнь
На милыхъ бросишь взоръ умильной.

XX.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофиль.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлаешь, Фаустъ?

Таковъ вамъ положень предѣль,

Его жь никто не пресступаетъ.

Вся шварь разумная скучаешь:

Иной опъ лѣни, шопъ опъ дѣль;

Кшо вѣришь, кшо ушрашилъ вѣру;

Топъ насладишься не успѣль,

Топъ насладился черезмѣру,

И всякъ зѣваешь да живешь —

И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждешь.

Зѣвай и ты.

Ф а у с т ь.

Сухая шупка!

Найди мнѣ способъ какъ нибудь

Разсѣяшься.

Мефистофиль.

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.

Въ своемъ альбомѣ запиши :

Fastidium est quies — скука

Опдохновеніе души.

Я психологъ... о вошь наука!...

Скажи, когда ты не скучалъ?

Подумай, поищи. Тогда ли,

Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,

А розги умъ твой возбуждали?

Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ

Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья

И въ буйствѣ шумномъ посвящаль
 Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
 Тогда ль, какъ погрузился ты
 Въ великодушныя мечшы,
 Въ пучину темную науки?
 Но, помнишь, тогда со скуки,
 Какъ арлекина, изъ огня
 Ты вызвалъ наконецъ меня.
 Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
 Развеселишь тебя спарался,
 Возилъ и къ вѣдьмамъ и къ духамъ,
 И что же? все попустякамъ.
 Желалъ ты славы — и добился,
 Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
 Ты съ жизни взялъ возможную дань,
 А былъ ли счастливъ?

Ф А У С Т Ъ.

Перестань,
 Не расправляй мнѣ язвы тайной.
 Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ —

Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
 А слава... лучъ ея случайной
 Неуловимъ. Мірская чesть
 Безсмысленна, какъ сонъ... Но есть
 Прямое благо: сочешанье
 Двухъ душъ...

Мефистофиль.

И первое свиданье,
 Не правда ль? Но нельзя ль узнатьъ,
 Кого изволишь поминашь,
 Не Грешхень ли?

Фаустъ.

О сонъ чудесной!
 О пламя чистое любви!
 Тамъ, шамъ — гдѣ шѣнь, гдѣ шумъ древесной,
 Гдѣ сладко-звонкія спруи —
 Тамъ, на груди ея прелестной
 Покоя помную главу,
 Я счастливъ былъ....

Мефистофиль.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фаустъ, наяву!

Услужливымъ воспоминаньемъ

Себя обманываешь ты.

Не я ль тебѣ своимъ спараньемъ

Дославилъ чудо красоты?

И въ часъ полуночи глубокой

Съ тобою свелъ ее? Тогда

Плодами своего шруда

Я забавлялся одинокой,

Какъ вы вдвоемъ — все помню я.

Когда красавица швоя

Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,

Ты безпокойною душой

Ужъ погружался въ размышленье

(А доказали мы съ тобой,

Что размышленье — скуки сѣмя).

И знаешь ли, философъ мой,

Что думалъ ты въ такое время,

Когда не думаешь никто?

Скажешь ли?

Ф а у с т ь.

Говори. Ну, что?

Мефистофиль.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!

Какъ жадно я тебя желалъ!

Какъ хитро въ дѣвѣ просподушной

Я грезы сердца возмущалъ!

Любви невольной, безкорыстной

Невинно предалась она...

Чшожь грудь моя шеперь полна

Тоской и скукой ненавистной?...

На жертву прихоши моей

Гляжу, упившись наслажденьемъ,

Съ неодолимымъ отвращеньемъ:

Такъ безрасчетный дуралей,

Вошще рѣшась на злое дѣло,

Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,

Бранишь ободранное шѣло;

Такъ на продажную красу,
 Насышась ею поропливо,
 Развращъ косишся боязливо...
 Попомъ изъ эшаго всего
 Одно ты вывелъ заключенье...

Ф А У С Т Ъ.

Сокройся, адское шворенье!
 Бѣги ошъ взора моего!

МЕФИСТОФИЛЬ.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безъ дѣла, знаешь, ошъ тебя
 Не смѣю оплучаться я —
 Я даромъ времени не шрачу.

Ф А У С Т Ъ.

Чшо шамъ бѣлѣешь? говори.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Корабль Испанскій прехмачшовый,
 Пришташь въ Голландію гошовый:
 На немъ мерзавцевъ сошни при,

Двѣ обезьяны, бочки злаша,
Да грузъ богатый шоколаша...

.

Ф а у с т ь.

Все утопипь.

Мефистофиль.

Сей часъ. (*Исчезаетъ.*)

XXI.

Н. Н.

Примите Невскій Альманахъ.

Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ:

Вы шуть найдете * * * ова,

Вел * * * , Х * * * ова;

К * * * , дальній вашъ родня,

Украсилъ также книжку эпу;

Но не найдете вы меня:

Мои стихи скользнули въ Лепу.

Что слава міра?.. дымъ и прахъ.

Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...

Но, кажется, мнѣ трудно шже

Попастъ и въ эпошъ альманахъ.

XXII.

Б У Р Я.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
 Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
 Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
 Играло море съ берегами,
 Когда, лучъ молній озарялъ
 Ее всечасно блескомъ алымъ,
 И въсперъ бился и лепалъ
 Съ ея лепучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнь, небесъ и бури.

1826.

1050.

I.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою помимъ,
 Въ пусынѣ мрачной я влачился,
 И шестикрылой Серафимъ
 На перепушѣ мнѣ явился;
 Перстами легкими какъ сонъ
 Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
 Опверзлись вѣщія зѣницы,
 Какъ у испуганной орлицы.
 Моихъ ушей коснулся онъ,
 И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
 И внялъ я неба содроганье,
 И горній ангеловъ полѣтъ,

И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

И онъ къ ушамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшной мой языкъ,

И празднословной и лукавой,

И жало мудрыя змѣи

Въ уста замершія мои

Вложилъ десницею кровавой.

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,

И сердце препешное вынулъ,

И уголь, пылающій огнемъ,

Во грудь опверсшую водвинулъ.

Какъ шруть въ пуспынѣ я лежалъ,

И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:

«Возстань, Пророкъ, и виждь, и внемли,

Исполнишь волею Моей,

И, обходя моря и земли,

Глаголомъ жги сердца людей.»

II.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
 Пробирается луна,
 На печальныя поляны
 Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
 Тройка борзая бѣжитъ,
 Колокольчикъ однозвучной
 Упомишельно гремитъ.

Чшо-шо слышитъся родное
 Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
 То разгулье удалое,
 То сердечная шоска.....

Ни огня, ни черной хаты.....
 Глушь и снѣгъ... Навспрѣчу мнѣ
 Только версты полосаты
 Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
 Завтра къ милой возвращаясь,
 Я забудусь у камина,
 Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
 Мѣрной кругъ свой совершивъ,
 И докучныхъ удаляя
 Полночь насъ не разлучивъ.

Грустно, Нина: путь мой скучень,
 Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
 Колокольчикъ однозвучень,
 Опуманень лунный ликъ.

III.

ОТВѢТЪ О. Т***.

Нѣшъ, не Черкешенка она :
 Но въ долы Грузіи опѣвка
 Такая дѣва не сошла
 Съ высопъ угрюмага Казбека.

Нѣшъ, не агашъ въ глазахъ у ней :
 Но всѣ сокровища воспока
 Не сшоятъ сладостныхъ лучей
 Ея полуденнаго ока.

IV.

КЪ ЯЗ***.

Яз***, кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты шалишь, и какъ ты миль,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое!
 Нѣтъ, не Каспальскою водой
 Ты напоилъ свою камену;
 Пегасъ иную Иппокрену
 Копытомъ вышибъ предъ тобой.
 Она не хладной льется влагой,
 Но пѣнится хмельною брагой;

Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напишокъ благородной,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

1827.

1027

I.

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
 Гляжу впередъ я безъ боязни:
 Начало славныхъ дней Петра
 Мрачили мяшежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
 Но нравы укротилъ наукой,
 И былъ ошъ буйнаго стрѣльца
 Предъ Нимъ опличенъ Долгорукой.

**

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ;
Во всемъ будь Пращуру подобень:
Какъ Онъ неутомимъ и пвѣрдъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобень.

II.

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынные скалы,
Гдѣ луна шеплетъ блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводишь Мусульманъ,
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила :

« Сохрани мой талисманъ :

Въ немъ таинственная сила !

Онъ тебѣ любовью данъ.

Отъ недуга, отъ могилы,

Въ бурю, въ грозный ураганъ,

Головы твоей, мой милый,

Не спасетъ мой талисманъ.

И богатствами Востока

Онъ тебя не одаритъ,

И поклонниковъ Пророка

Онъ тебѣ не покоришь ;

И тебя на лоно друга,

Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,

Въ край родной на сѣверъ съ юга

Не умчишь мой талисманъ....

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракъ ночи
Поцалуютъ не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранишь мой палисманъ! »

III.

А Н Г Е Л Ъ.

Въ дверяхъ Эдема Ангель нѣжный
Главой поникшею сіяль,
А Демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною лешаль.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взираль
И жаръ невольный умиленья
Впервые смушно познаваль.

Проси, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

IV.

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей,
Поешь надъ розою воспочный соловей.
Но роза милая не чувствуешь, не внемлешь,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь, она цвѣтеть; взываешь—нѣтъ отвѣта.

V.

Ч Е Р Е П Ъ.

Прими сей черепъ, Д***: онъ
 Принадлежишь тебѣ поправу.
 Тебѣ повѣдаю, баронъ,
 Его гошическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ
 Парамъ Вакха нагрѣвался;
 Лишовскій мечъ въ недобрый часъ
 По немъ со звономъ ударялся;
 Сквозь эшу кость не проходилъ
 Лучъ живошворный Аполлона;
 Ну словомъ, черепъ сей хранилъ
 Тяжеловѣсный мозгъ барона,

Барона Д * * *. Баронъ
 Конечно былъ охотникъ славный,
 Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
 Гроза вассаловъ и ихъ жёнъ.
 Мой другъ, шаковъ былъ вѣкъ суровый,
 И предокъ швой крѣпкоголовый
 Смутился бѣ рыцарской душой,
 Когда бѣ себя передъ собой
 Увидѣлъ безъ одежды бранной,
 Съ главою, миршами вѣнчанной,
 Въ очкахъ и съ лирой золошой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
 Ужъ былъ давно записанъ онъ,
 И съ предками своими въ Ригѣ
 Вкушалъ непробудимый сонъ.
 Баронъ въ обители печальной
 Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
 Пасшора лесью погребальной,
 Гербомъ гробницы феодальной

И эпифафией плохой.
 Но въ наши безпокойны годы
 Покойникамъ покоя нѣтъ.
 Космашый баловень природы,
 И матемашикъ и поэтъ,
 Буянъ задумчивый и важный,
 Хирургъ, юриспъ, физиологъ,
 Идеологъ и филологъ,
 Короче вамъ — спуденпъ присяжный,
 Съ вишою шрубкою въ зубахъ,
 Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
 Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
 Въ шракширахъ ешаль онъ пѣнипъ пиво,
 Въ дыму шабачныхъ облаковъ;
 Бродипъ надъ берегами моря,
 Мечшашъ о Лопхенъ, или съ горя
 Спихи писашъ, да бишъ Жидовъ.
 Спуденпъ подъ лѣспницей шракшира
 Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
 Тамъ, въ видѣ зеркаль и каршинъ,

Короткій плащъ, картузь, рапира
 Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
 Полуизмаранный альбомъ,
 Творенья Фихте и Платона,
 Да два воспочныхъ лексикона,
 Подъ паушиною въ углу
 Лежали грудой на полу,
 Предмешъ заняпій разнородныхъ
 Ученаго, да крысь голодныхъ.
 Мы знаемъ: роскоши пусшой
 Почтенный мыслишель не ищетъ;
 Смѣясь надъ глупой суешой,
 Въ чуланѣ онъ безпечно свищешъ.
 Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
 Сердецъ высокихъ оппечашокъ.
 Сшуденшъ однакожъ наконецъ
 Замѣшилъ важный недоспашокъ
 Въ своемъ бышу: ему предмешъ
 Необходимый былъ... скелешъ;
 Предмешъ, философамъ любезный,

Предметъ пріятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
 Но гдѣ достанешь онъ скелеть?
 Вотъ онъ однажды въ воскресенье
 Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
 И пошчасъ взявъ въ соображеніе
 Его характеръ и служенье,
 Рѣшился подружиться съ нимъ.
 За кружкой пива, мой герой
 Открылся кистеру душой
 И говоритъ: нельзя ль, пріятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свеспи меня въ подвалъ могильный,
 Коспиями праздными обильный,
 И между шѣмъ одинъ скелеть
 Помочь мнѣ вынеспи на свѣтъ?
 Клянусь тебѣ Айдескимъ богомъ:
 Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
 И до моихъ послѣднихъ дней
 Красой обитали моей.

Смутился кистерь изумленный.
 « Чшо за желанье? чшо за спрасшь?
 Ишпи въ подвалъ уединенный,
 Вспревожишь мерпвыхъ сонъ почтенный
 И одного изъ нихъ украсшь!
 И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
 Чшо скажущъ мерпвые пошомъ? »
 Но пиво, спраха усыпишель
 И гнѣвной совѣспи смиришель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ нёмъ.
 Ну, шакъ и бышь! Даетъ онъ слово,
 Чшо къ ночи будешь все гошово
 И другу назначаешь часъ.
 Они распались.

День угасъ.

Наспала ночь. Плащемъ покрытый,
 Сшоишь герой нашъ знамениый
 У галлерей гробовой,
 И съ нимъ преступный кистерь мой,
 Держа въ рукъ фонарь разбиый,

Гоповъ на подвигъ роковой.

И вопъ визжишь замокъ заржавый,

Визжишь предапельская дверь —

И сходяшь випязи шеперь

Во мракъ подвала величавый;

Сіаньемъ тощимъ фонаря

Глухіе своды озаря,

Идуть — и эхо гробовое,

Смущенное въ своемъ покоѣ,

Прошяжно вшоришь звукъ шаговъ.

Предъ ними длинный рядъ гробовъ;

Вездѣ щипы, гербы, короны;

Въ щеславномъ плѣніи кругомъ

Почіюшь непробуднымъ сномъ

Высокородные бароны....

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы
въ эту поэтическую минушу, если бы твоей
прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку сту-
денца, вздумалъ за себя вступишься, ухващая

его за воротъ, или погрозивъ ему коспянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищеніе совершилось благополучно. Спуденшъ по часшамъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы коспиями его. Возвращаясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скеленшъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ пракширный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистерь лишился мѣста, а спуденшъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельство не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я себя

люблю, успупилъ мнѣ черепъ одного изъ шѣхъ,
копорымъ обязанъ я швоимъ сущесшвованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Д * * *: онъ

Принадлежишь тебѣ поправу.

Обдѣлай ты его, баронъ,

Въ благоприсойную оправу.

Издѣлье гроба превраши

Въ увеселипельную чашу,

Виномъ кипящимъ освяши,

Да запивай уху да кашу.

Пѣвцу Корсара подражай,

И Скандинавовъ рай воинской

Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,

Или, какъ Гамлешъ-Барапынской,

Надъ нимъ задумчиво мечшай:

О жизни мершвый проповѣдникъ,

Виномъ ли полный иль пусшой,

Для мудреца, какъ собесѣдникъ,

Онъ стоишь головы живой.

VI.

П О Э Т Ъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погружёнъ;
Молчишь его свящая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣшей ничтожныхъ міра,
Быть можешь, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснешся,
Душа поэта вспрепенется,
Какъ пробудившійся орёлъ.
Тоскуешь онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждаешься молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонишь гордой головы;
Бѣжишь онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнь,
На берега пустынныхъ волнь,
Въ широкошумныя дубровы...

VII.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція злая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управля,
При свѣтѣ Вespera по взморію плывешь,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поешь.
Онъ любитъ пѣснь свою, поешь онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаешь ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣешь усладить свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отъзыва утѣшно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

VIII.

КНЯГИНЬ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Среди разсыянной Москвы,
При шолкахъ висша и боспона,
При бальномъ лепешѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона,
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьещя и пылаешъ геній.

Пѣвца, плѣннаго побой,
Не опвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣдомъ Кашалани
Цыганкѣ внемлеть кочевой.

1828.

1088.

I.

Ч Е Р Н Ь.

Procul este, profani.

Поэшь по лирь вдохновенной
 Рукой разсыянной бряцаль.

Онъ пѣль — а хладной и надменной
 Кругомъ народъ непосвященной
 Ему безсмысленно внималь.

И полковала чернь шупая:
 «Зачѣмъ такъ звучно онъ поешь?
 Напрасно ухо поражая,
 Къ какой онъ цѣли насъ ведешь?»

О чемъ бренчишь? чему насъ учишь?
 Зачѣмъ сердца волнуешь, мучишь,
 Какъ своенравный чародѣй?
 Какъ вѣщерь пѣснь его свободна,
 За то какъ вѣщерь и бесплодна:
 Какая польза намъ опъ ней? »

П о э т ъ.

Молчи, безсмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, забошъ!
 Несносень мнѣ твоя ропотъ дерзкой.
 Ты червь земли, не сынъ небесъ;
 Тебѣ бы пользы все — на вѣсь
 Кумиръ ты цѣнишь Бельведерской.
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!... шакъ что же?
 Печной горшокъ тебѣ дороже;
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Ч е р н ь.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
 Свой даръ, божественный посланникъ,

Во благо намъ употребляй:
 Сердца собратъевъ исправляй.
 Мы малодушны, мы коварны,
 Безстыдны, злы, неблагодарны;
 Мы сердцемъ хладные скопцы,
 Клевешники, рабы, глупцы;
 Гнѣздяшся клубомъ въ насъ пороки:
 Ты можешь, ближняго любя,
 Давать намъ смѣлые уроки,
 А мы слушаемъ тебя.

П о э т ъ.

Подише прочь — какое дѣло
 Поэшу мирному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйше смѣло:
 Не оживишь васъ лиры гласъ!
 Душѣ прошивны вы какъ гробы.
 Для вашей глупоспи и злобы
 Имѣли вы до сей поры
 Бичи, шемницы, шопоры;
 Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Смешающъ соръ — полезный прудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алшаръ и жершвоприношенъ,
Жрецы ль у васъ мешлу берутъ?
Не для жишейскаго волненья,
Не для корыспи, не для бипвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молишвъ.

II.

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевшонъ

Въ крови невѣрныхъ окупался ;

Страной полночной правилъ онъ.

Уже Прусакъ въ оковы вдался,

Или сокрылся, и въ Липву

Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными берегами

Спруился Нѣмень : на одномъ

Еще надъ древними стѣнами

Сіяли башни, и кругомъ

Шумѣли рощи вѣковыя ,

Духовъ приспанища свящыхъ.

Символь Германца, на другомъ

Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захвапшишь
Хотѣлъ всю обласъ Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлечишь.

Съ медвѣжей кожей на плечахъ,
Въ космашой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ спрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Лишовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На спражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль, съ молишвой, заряжалъ.

Всякъ переправу охранялъ:

Токъ Нѣмена госпепріимной,

Свидѣшель ихъ вражды взаимной,

Спаль прагомъ вѣчности для нихъ;

Сношеній дружныхъ гласъ ушихъ,

И всякъ, перескупившій воды,

Лишень былъ жизни иль свободы.

Лишь хмѣль Липовскихъ береговъ,

Нѣмецкой пополю плѣненный,

Черезъ рѣку, межъ просниковъ,

Переправлялся дерзновенный,

Бреговъ прошивныхъ доспигалъ

И друга нѣжно обнималъ.

Лишь соловьи дубравъ и горъ

Посшаринѣ вражды не знали,

И въ оспровъ, общій съ давнихъ поръ,

Другъ къ другу въ гости прилешали.

III.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,

Вшоропяхъ зовуть отца:

«Тяша! шяша! наши съши

Пришацили мертвеца.»

Врише, врише, бѣсеняша,

Заворчалъ на нихъ отецъ;

Охъ, ужъ эши мнѣ робяша!

Будешъ вамъ ужо мертвець!

Судь наѣдешь, отвѣчай-ка;
 Съ нимъ я вѣкъ не разберусь;
 Дѣлашь нѣчего; хозяйка,
 Дай кафшанъ: ужь поплещусь...
 Гдѣ жь мершвецъ?—«Вонъ, шая, э-вошь!
 Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
 Гдѣ разосланъ мокрой неводъ,
 Мершвый видѣнь на песокъ.

Безобразно шрупъ ужасный
 Посинѣлъ и весь распухъ.
 Горемыка ли несчастный
 Погубилъ свой грѣшный духъ,
 Рыболовъ ли взялъ волнами,
 Али хмѣльный молодецъ,
 Аль ограбленный ворами
 Недогадливый купецъ:

Мужикъ какое дѣло?
 Озираясь, онъ спѣшитъ;
 Онъ пошопленное шло
 Въ воду за ноги тащитъ
 И ось берега крушаго
 Ошполкнулъ его весломъ,
 И мершвецъ внизъ поплылъ снова
 За могилой и крешомъ.

Долго мершвый межъ волнами
 Плылъ качаясь, какъ живой:
 Проводивъ его глазами,
 Нашъ мужикъ пошелъ домой.
 «Вы, щенки! за мной ступайте!
 Будешъ вамъ по калачу,
 Да сморщите жъ, не болшайте,
 А не по поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
 Взволновалася рѣка,
 Ужъ лучина догорѣла
 Въ дымной хатѣ мужика,
 Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
 На палапахъ мужъ лежишь,
 Буря воешь; вдругъ онъ внемлетъ:
 Кто-то шамъ въ окно спучитъ.

«Кто шамъ?» — Эй, впусти, хозяинъ! —
 «Ну, какая шамъ бѣда?
 Чшо ты ночью бродишь, Каинъ?
 Чоршъ занесъ себя сюда;
 Гдѣ возишься мнѣ съ тобою?
 Дома тѣсно и темно.»
 И лѣнливою рукою
 Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за пучь луна капишся —
 Что же? голый передь нимъ:
 Съ бороды вода спруишся,
 Взоръ опкрышь и недвижимъ,
 Все въ немъ страшно онѣмѣло,
 Опустились руки внизъ,
 И въ распухнувшее тѣло
 Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ:
 Госпя голаго узнавъ,
 Такъ и обмеръ: чшобъ шы лопнулъ!
 Прошепшалъ онъ задрожавъ.
 Страшно мысли въ немъ мѣшались,
 Трясся ночь онъ напролѣшь,
 И до утра все спучались
 Подъ окномъ и у ворошь.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:

Говоряшь, что каждый годъ

Съ той поры мужикъ несчастный

Въ день урочный госпя ждётъ;

Ужь съ утра погода злишя,

Ночью буря наспаётъ,

И утопленникъ спучится

Подъ окномъ и у ворошь.

IV.

Т Ы и В Ы.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
 Она обмолвясь замѣнила,
 И всѣ счастливыя мечты
 Въ душѣ влюбленной возбудила.
 Предъ ней задумчиво стою;
 Свеси очей съ нея нѣшь силы;
 И говорю ей: какъ *вы* милы!
 И мыслю: какъ *тебя* люблю!

V.

Кобылица молодая,
 Честь Кавказскаго шавра,
 Чпо ты мчишься, удалая?
 И тебѣ пришла пора;
 Не косись пугливымъ окомъ,
 Ногъ на воздухъ не мечи,
 Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
 Своенравно не скачи.
 погоди; тебя заспаблю
 Я смиришься подо мной:
 Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направляю
 Укороченной уздой.

VI.

ОТВѢТЬ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдь!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной оправой:
Онъ заманишь меня попомъ
Тебѣ вослѣдъ ояшь за славой.
Не такъ ли опытный гусарь,
Вербую рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакха даръ,

Пока воинственный угаръ

Его на мѣстѣ не подкоситъ?

Я самъ служивый: мнѣ домой

Пора убраться на покой.

Останься ты въ строяхъ Парнасса;

Предъ дѣломъ кубокъ наливай

И лавръ Корнеля или Тасса

Одинъ съ похмѣлья пожинай.

VII.

НА ПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Довлю я жадно каждый крикъ :
Спрасшей безумныхъ и мясешныхъ
Какъ упоишелень языкъ !
Но прекраши свои рассказы,
Тамъ, шай свои мечшы :
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнатьъ, что знала ты !

VIII.

И. В. С * * *.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:

Ихъ ослѣпительная смѣсь

Аспазій нашихъ благородныхъ

Провозглашаетъ только смѣсь.

Альбомъ красавицы уѣздной,

Альбомъ домашній и проспой,

Милѣй болпливостью любезной

И безыскусной песпрошой.

Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,

Являясь впрочемъ не хочу;

Но твой альбомъ другое дѣло,

Охотно дань ему плачу.

Тобой пишомцамъ Аполлона
 Не изъ щеславья онъ ошкрытъ:
 Царицъ ты любишь Геликона
 И ими самъ не позабытъ;
 Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
 Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
 Почтивъ хозяина привѣтомъ
 И ларь молитвеннымъ стихомъ.

IX.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смершнаго умолкнеть шумный день

И на нѣмыя спогны града

Полупрозрачная наляжеть ночи тѣнь

И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,

Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ

Часы шомпшельнаго бдѣнья :

Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горяшь во мнѣ

Змѣи сердечной угрызенья ;

Мечшы кипяшь ; въ умѣ, подавленномъ тоской,

Тѣснишься тяжкихъ думъ избытокъ ;

Воспоминаніе безмолвно предо мной

Свой длинный развиваешь свитокъ :

И, съ отвращеніемъ чистая жизнь мою,
 Я шрепещу и проклинаяю,
 И горько жалуясь, и горько слезы лью,
 Но спрокъ печальныхъ не смываю.

Имя дѣла и дѣла дѣла

Знаешь соколъ дѣла дѣла

Х. Дѣла дѣла дѣла

Дѣла дѣла дѣла

ПРЕДУВСТВІЕ

Воронъ къ ворону лешишь, а дѣла

Воронъ ворону кричишь: дѣла дѣла

Воронъ, гдѣ бѣ намъ опобѣдашь? А

Какъ бы намъ о томъ провѣдашь? Н

Сколько дѣла дѣла

Сколько дѣла дѣла

Речь дѣла дѣла

Угрозитъ дѣла дѣла

Воронъ ворону въ отвѣтъ:

Знаю, будешь намъ обѣдъ;

Въ чистомъ полѣ подь ракишой

Богашырь лежишь убишой.

Кѣмъ убишь и опъ чего,

Знаешь соколъ лишь его,

Да кобылка вороная,

Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улещѣлъ,

На кобылку недругъ сѣлъ,

А хозяйка ждетъ милѡва,

Не убишаго, живова.

XI.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова пучи надо мною
 Собралися въ пишинѣ;
 Рокъ зависпливый бѣдою
 Угрожаешь снова мнѣ...
 Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
 Понесу ль навстрѣчу ей
 Непреклонность и шерпѣнье
 Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
 Равнодушно бури жду:
 Можешь быть, еще спасенный,
 Снова приспань я найду....
 Но, предчувствуя разлуку,
 Неизбѣжный, грозный часъ,
 Сжажь твою, мой ангель, руку
 Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангель крошкѣй, безмятежный,
 Тихо молви мнѣ: проспи,
 Опечалься: взоръ свой нѣжный
 Подыми иль опусти;
 И твое воспоминанье
 Забѣнишь душѣ моей
 Силу, гордость, упованье
 И отвагу юныхъ дней.

XII.

Ц В Ъ Т О К Ъ.

Цвѣпокъ засохшій, безуханной,
 Забытый въ книгѣ вижу я;
 И вопъ уже мечшою странной
 Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣль? когда? какой весною?
 И долго ль цвѣль? и сорванъ кѣмъ,
 Чужой, знакомой ли рукою?
 И положень сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ пиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли шопъ, и ша жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣшокъ?

XIII.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
 Духъ неволи, спройный видъ,
 Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
 Скука, холодъ и гранишь —
 Все же мнѣ васъ жаль немножко,
 Потому что здѣсь порой
 Ходишь маленькая ножка,
 Вьется локонь золопой.

XIV.

Не пой, красавица, при мнѣ
 Ты пѣсень Грузіи печальной:
 Напоминають мнѣ онѣ
 Другую жизнь и берегъ дальній.

Увы, напоминають мнѣ
 Твои жестокіе напѣвы
 И степь, и ночь, и при лунѣ
 Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
 Тебя увидѣвъ, забываю;
 Но ты поешь — и предо мной
 Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
 Ты пѣсень Грузіи печальной:
 Напоминающъ мнѣ онъ
 Другую жизнь и берегъ дальный.

XV.

ОТВѢТЪ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво и жадно
Смошрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стойкъ, приметъ хладно
Привѣтъ харити и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадашь вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бѣ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ въпреный Зоиль,
Когда бѣ предашельски злословилъ
Сей полъ, копорому служилъ!

Любви безумствомъ и волненьемъ

Наказанъ былъ бы онъ; а ты

Была всегда бѣ опроверженьемъ

Его печальной клеветы.

XVI.

TO DAWE, ESQ^R.

Зачѣмъ швой дивный карандашъ
 Рисуешь мой арапскій профиль?
 Хоть ты вѣкамъ его предашь,
 Его освищеть Мефистофиль.

Рисуй * * * черты.
 Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
 Лишь юности и красоты
 Поклонникомъ быть долженъ геній.

1829.

Е. Н. У***ВОЙ.

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ спаномъ вы Сильфида,
Что ваши алая уста,
Какъ гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суеша.

Но красоты воспоминанье
 Намъ сердце прогаешь шайкомъ —
 И строкъ небрежныхъ начерпанье
 Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
 Авось на память поневолъ
 Придешь вамъ пошъ, кто васъ пѣвалъ
 Въ тѣ дни, какъ Пр * * * поле
 Еще заборъ не заграждалъ.

РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

Содержание
— Письма к автору —
Содержание
Содержание
Содержание
Содержание
Содержание
Содержание
Содержание
Содержание

РАЗНЫХ ЛОДОВ.

I.

ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю

Родный обычай старины :

На волю птичку выпускаю

При свѣпломъ праздникѣ весны.

Я спалъ дослупень утѣшенью ;

Зачто на Бога мнѣ ропшашь,

Когда хошь одному шворенью

Я могъ свободу даровать!

II.

И Н О С Т Р А Н К Ъ.

На языкъ, тебѣ невнятномъ,
Спихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукъ чувствъ погубя,
Боготворишь не перешану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждые черпы взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его спрасшей не понимая.

III.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ зависливую даль,
И, внемля имъ, вздохнешъ о славу младость,
Утѣшился безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

IV.

К. А. Б * * *.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумаешь не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;

Подумаешь, я скажу все поже.

V.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣсь я ни слова...
 И, кажешся, мой быспрый гнѣвъ угасъ;
 Но изъ виду не выпускаю васъ,
 И выберу когда нибудь любаго:
 Не избѣжишь пронзительныхъ когтей,
 Какъ налечу нежданный, безпощадный.
 Такъ въ облакахъ кружишься ястребъ жадный
 И спорожишь индѣекъ и гусей.

VI.

ПРОЗА.

Гдѣ наша роза,

Друзья мои?

Увяла роза,

Дышя зари.

Не говори:

Такъ вянешь младость!

Не говори:

Вопь жизни радость!

Цвѣтку скажи:

Прости, жалю!

И на лилею

Намъ укажи.

VII.

СТАРИКЪ.

Ужъ я не шопъ любовникъ спраспной,
Кому дивился прежде свѣшъ :
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропаль и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я швой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бѣ могъ родиться снова,
Ужъ шакъ ли бѣ я шебѣ служилъ!

VIII.

С Т А Р Ы Е

Охотникъ до журнальной драки,
 Сей усыпительный Зоиль
 Разводитъ опиумъ чернилъ
 Слюнею бѣшеной собаки.

Амуре, Голъ возрѣвъ мѣдью!

В швей служилъ въ войсѣ бѣдъ!

Дхъ, если бы мотъ родился снова,

Ужъ шибъ бы въ шибъ служилъ!

Служилъ въ войсѣ бѣдъ!

Служилъ въ войсѣ бѣдъ!

Служилъ въ войсѣ бѣдъ!

Служилъ въ войсѣ бѣдъ!

IX.

П Р І Я Т Е Л Ю.

Не пришворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не спрашенъ лиры звукъ,
Ни эгегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: шы не ревнивъ,
Я слишкомъ вѣпрень и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелесшная Лаура,
Да я въ Пешрарки не гожусь.

Х.

Л И Л Ъ.

Лила, Лила, я страдаю
Безопрядною шоской,
Я шомлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

XI.

КЪ * * *.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омрачѣнь,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбишь вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаешь счастья.
На крапкѣй мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

XII.

У Кларисы денегъ мало,
 Ты богашъ; иди къ вѣнцу:
 И богашство ей приспало,
 И рога шебѣ къ лицу.

XIII.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ , кшо въ опдаленной сѣни ,
Вдали взыскашельныхъ невѣждъ ,
Дни дѣлишь межъ трудовъ и лѣни ,
Воспоминаній и надеждъ ;
Кому судьба друзей послала ,
Кшо скрышь , по милоспи Творца ,
Ошъ усыпишеля глупца ,
Ошъ пробудителя нахала .

XIV.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносень Оирсъ ученый,
Педантъ надупый и мудреный:
Онъ важно судишь обо всѣмъ,
Всего онъ знаешь понемногу.
Люблю тебя, сосѣдь Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу.

XV.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я с стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шумъ о нихъ спашейку шиснулъ,
Безъ подписи жъ пусшивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуму
Не удалось прикрышь своихъ проказъ:
Онъ по когшамъ узналъ меня вминущу,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

XVI.

И М Я Н И Н Ы.

Умножайте шумъ и радость;
 Пойте пѣсни въ добрый часъ:
 Дружба, грація и младость
 Имянинницы у насъ.
 Между шѣмъ диша крылашо,
 Васъ привѣщивуя, друзья,
 Вшайнѣ думаетъ: когда-то
 Имянинникъ буду я?

XVII.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ

Свисъ ;

Мараетъ онъ единымъ духомъ

Лисъ ;

Потомъ всему перзаетъ свѣту

Слухъ ;

Потомъ печашаетъ : и въ Лешу

Бухъ !

XVIII.

КЪ ПОРТРЕТУ ***.

Судьба свои дары явишь желала въ нёмъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знапный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И просподушіе съ язвительной улыбкой.

XIX.

Хошъ впрочемъ онъ поэтъ изрядный;

Эмилій чловѣкъ *пустой*.

Да шы чѣмъ *полонъ* шупъ нарядный?

А, понимаю: самъ собой;

Ты *полонъ* дряни, милый мой!

XX.

Какъ брань тебѣ не надоѣла!

Расчешь корошкѣ мой съ шобой:

Ну, такъ, я празденъ, я безъ дѣла;

А ты бездѣльникъ дѣловой.

XXI.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю вечерній пирь,
 Гдѣ веселье предсѣдатель,
 А свобода, мой кумирь,
 За споломъ законодатель,
 Гдѣ до ушра слово пей
 Заглушаешь крики пѣсень,
 Гдѣ просшорень кругъ гостей,
 А кружокъ бушылокъ шѣсень.

XXII.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Чшо жь новаго? — « Ей Богу ничего. »
— Эй не хипри: ты вѣрно чшо-то знаешь.
Не стыдно ли, опъ друга своего,
Какъ опъ врага ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердишь: помилуй, брашь, за чшо?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хошь слово...
« Охъ! опвяжись, я знаю полько шо,
Чшо ты дуракъ, да эшо ужъ не ново. »

XIII.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;

Съ счастіемъ у васъ разладъ:

И прекрасны вы не ксшаши

И умны вы не впопадъ.

XXIV.

КЪ Б * * *.

Спихъ каждый повѣсти швоей

Звучишь и блещешь какъ червонецъ.

Твоя Чухоночка, ей-ей,

Гречанокъ Байрона милѣй,

А швой Зоиль прямой Чухонецъ.

XXV.

ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

Все мое, сказала злопо;

Все мое, сказала булашь.

Все куплю, сказала злопо;

Все возьму, сказала булашь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(*V. Les derniers vers d'André Chénier.*)

2. У Авеля, у Фанни.

Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I.): одинъ изъ друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

3. И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

4. Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(*H. de la Touche.*)

5. Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

6. На роковой плѣгѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(*H. de la Touche.*)

7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
1825. I. Андрей Шенье.....	7.
II. Сожженное письмо.....	16.
III. Желаніе славы.....	17.
IV. Вакхическая пѣсня.....	19.
V. (Если жизнь тебя обманешъ).....	21.
VI. Сафо.....	22.
VII. Козлову. <i>По полученіи отъ него</i> <i>Чернеца</i>	23.
VIII. Къ * * *.....	25.
IX. Прозаикъ и поэтъ.....	28.
X. Движеніе.....	29.
XI. Дружба.....	30.
XII. Соловей и Кукушка.....	31.
XIII. Совѣтъ.....	32.
XIV. (Подъ небомъ голубымъ спраны своей родной).....	33.
XV. 19 Октября.....	34.
XVI. Женихъ. <i>Простонародная сказка</i> ...	44.
XVII. (Въ крови горитъ огонь желанья)...	56.
XVIII. (Верпоградъ моей сеспры).....	57.
XIX. П. А. О * * *.....	58.
XX. Сцена изъ Фауста.....	60.
XXI. Н. Н. <i>При посылкѣ ей Невскаго</i> <i>Альманаха</i>	68.
XXII. Буря.....	69.

	Стран.
1826.	
I. Пророкъ.....	73.
II. Зимняя дорога.....	75.
III. Ошвѣтъ Ѳ. Т * * *.....	78.
IV. Къ Яз * * *.....	76.
1827.	
I. Спансы.....	83.
II. Талисманъ.....	85.
III. Ангелъ.....	88.
IV. Соловей.....	90.
V. Черепъ. <i>Посланіе къ Д * * *</i>	91.
VI. Поэпъ.....	100.
VII. (Близъ мѣспъ, гдѣ царспвуесть Ве- неція злашая). <i>Переводъ неиздан- ныхъ стиховъ Андрея Шенье</i>	102.
VIII. Княгинѣ З. А. Волконской. <i>При посылкѣ ей поэмы: Цыганы</i>	103.
1828.	
I. Чернь.....	107.
II. (Спо лѣпъ минуло, какъ Тевшонъ). <i>Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича: Конрадъ Валленродъ</i>	111.
III. Упопленникъ. <i>Простонародная сказка</i>	114.
IV. Ты и Вы.....	120.
V. (Кобылица молодая). <i>Подражаніе Анакреону</i>	121.
VI. Ошвѣтъ Капенину.....	122.
VII. Наперсникъ.....	124.
VIII. И. В. С * * *.....	125.
IX. Воспоминаніе.....	127.

Х.	(Воронъ къ ворону лепишъ). <i>Шот-</i>	
	<i>ландская пѣсня</i>	129.
XI.	Предчувствіе	131.
XII.	Цвѣшокъ	133.
XIII.	(Городъ пышный, городъ бѣдный) ..	135.
XIV.	(Не пой, красавица, при мнѣ) ...	136.
XV.	Отвѣтъ А. Н. Гошовцовой	138.
XVI.	To Dawe Esqr.	140.
1829.	Е. Н. у * * * вой. Въ Альбомъ ..	143.

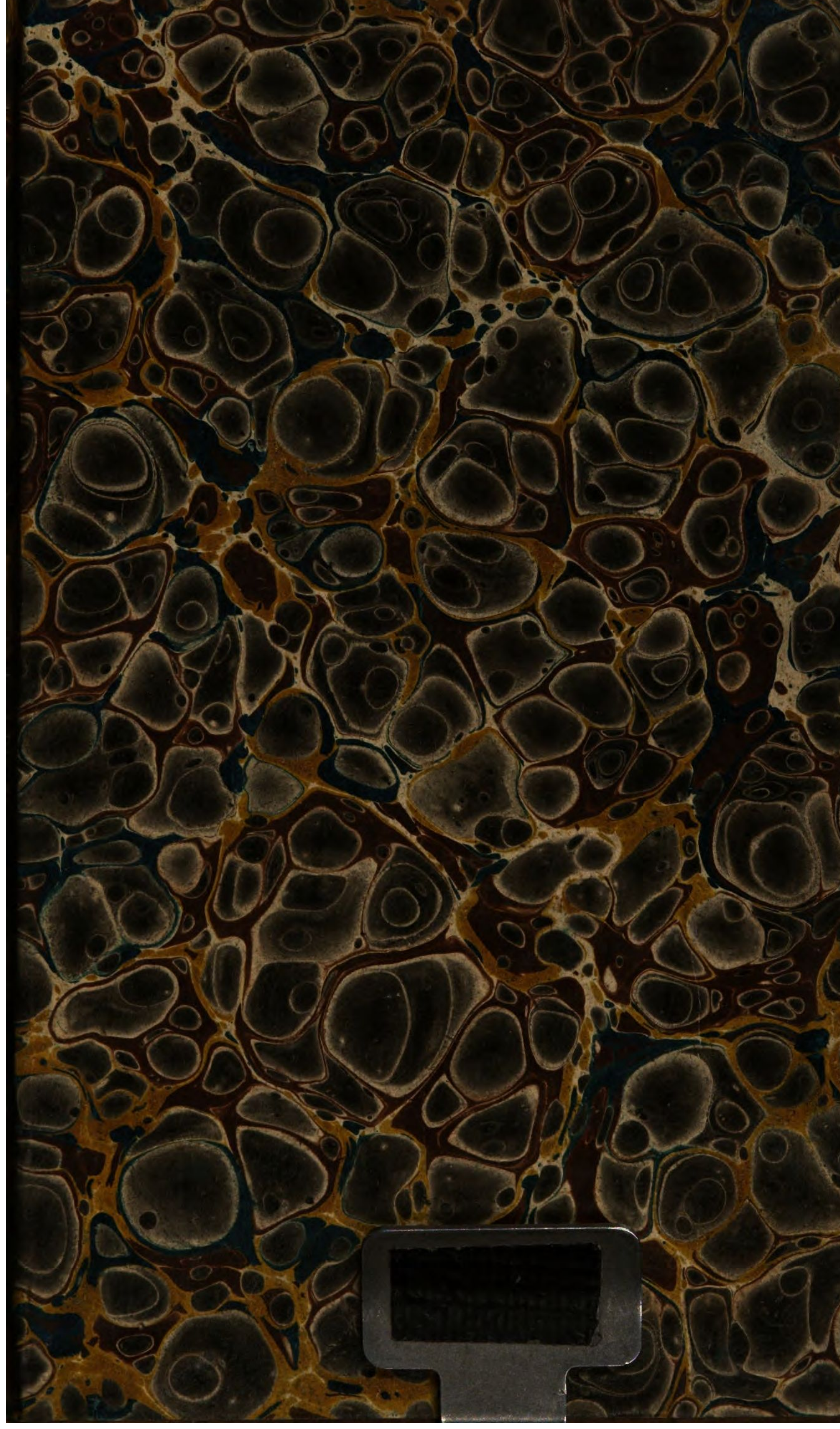
Разныхъ годовъ:

I.	Пшичка	147.
II.	Иноспранкъ	148.
III.	Къ портрету Жуковского	149.
IV.	К. А. Б * * *	150.
V.	Пріятелямъ	151.
VI.	Роза	152.
VII.	Спарикъ. Изъ Маро	153.
VIII.	(Охошникъ до журнальной драки) ..	154.
IX.	Пріятелю	155.
X.	Лилъ	156.
XI.	Къ * * *	157.
XII.	(У Кларисы денегъ мало)	158.
XIII.	Уединеніе	159.
XIV.	Добрый человекъ	160.
XV.	Ex ungue leonem	161.
XVI.	Имянины	162.
XVII.	Исторія стихотворца	163.

- XVIII. Къ портрету * * * 164.
 XIX. (Хоть впрочемъ онъ поэтъ изряд-
 ный)..... 165.
 XX. (Какъ брань тебѣ не надоѣла) 166.
 XXI. Веселый пиръ..... 167.
 XXII. Любопытный..... 168.
 XXIII. (Нѣтъ ни въ чемъ намъ благодаши). 169.
 XXIV. Къ Б * * * 170.
 XXV. Золото и булать..... 171.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Puškin, Aleksandr Sergeevič,

Stichotvorenija

Bd.: 2. (1829). - 176 S.

Sanktpeterburg 1829

Res/P.o.rel. 3356-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10926563-6